

Мы сидели на кухне, и пили чай с Семенычем. Семеныч это наш сосед. Живет в соседнем подъезде. Он в прошлом году вышел на пенсию и увлекся рыбалкой. А моего хлебом не корми, дай за удилище подержаться. И что в нем хорошего, в этом удилище? Вон лучше бы за сиськи мои подержался. А то при живом-то муже раз в неделю и вижу его добро. Как не подойдешь: то голова болит, то устал, то некогда, машину надо смазать... А я ведь живая! Мне ведь тоже и ласка, и смазка нужна. А про массаж внутренних органов вообще молчу. А с моим ни за столом посидеть, ни телевизор посмотреть. Рыбалка, машина, работа... А мне же хочется!

Семеныч зашел к мужу договориться об очередной поездке на рыбалку. Но у него, как всегда, на работе аврал случился. И теперь когда вернется — не известно. Хорошо бы к утру. И когда я сообщила ему эту новость, он поник. Переживает за меня мужик! Ну, я позвала его зайти по-соседски. Чай, бутербродики, да и рюмочка не помешает. Глядишь, успокоится и мне с кем поговорить будет. Он, конечно, отнекивался, но от меня так просто не отвяжешься.

Намедни мой сознался, замуж меня взял, потому что ему надоело в гостях жить. Объяснил, как не зайду к тебе в гости — и все, домой потом неделю попасть не могу! Сила убеждения в тебе великая и дорогой обозвал?! А так, говорит, и ты рядом, и я дома. Уважает!

Ну, Семеныча я то же уважаю. Вот из старых запасов еще бутылку Посольской достала да чарочку ему поднесла. Отнекивался, но выпил. Скромный и культурный человек. Недаром ведь в НИИ работал — электриком! Да и я с ним за компанию попробовала. Давно такой водочки не пила. Сидим, значит, беседуем, соседям косточки перемываем. Он вон на Клавку жалуется. Говорит, сама в гости пригласила, на интим намекала и продинамила, как фанеру. Вот профурсетка, такого человека обидела! Ну, ничего у меня к ней еще и свой счет имеется, дождется... Вот глядишь еще по паре стаканчиков замахнем под огурчики, и пойду ей волосы драть да за сиськи дергать. Они у неё большие. Есть за что ухватить.

Душевный у нас разговор выходит. Он про Клавку, а я, про своего поделилась. Мол, совсем забыл меня, только раз в неделю и вспоминает про обязанности свои супружеские. А я-то перед ним... ни в какую. После второй он мне и говорит: «Ну не знаю Валентина, чем тебе и помочь. Может, мне с ним поговорить? А то я как посмотрю, ты совсем с лица спала. На себя непохожа». Во! Посторонний человек, а за чужую бабу переживает. Помочь хочет! Вижу, задумался. Надо же чужого человека своей бедой загрузила...

После третьей рюмки похрустывая соленой капусткой, еще от бабки рецепт достался. Семеныч доверительно спросил:

— Валентина слушай, а у тебя там все в порядке? — стеснительно кивнув вниз, — может посмотреть, пощупать надо?

—?! — махаю рукой, — да уже смотрела и щупала вроде все на месте...

— Ну, может, кого другого попросить, — неопределенно крутит рукой, — сама то можешь не увидеть.

— Да кого же я попрошу? Клавку, что ли, эту стерву! — стараюсь быть спокойной, говорю я.

— Нет. Клавку нельзя, — подумав, говорит он, — у нее язык как помело.

— А больше вроде и не кого, остальные в разгоне — кто где, — говорю, перебирая в уме знакомых.

— Ну, тогда не знаю, — задумчиво говорит он, — может, в больницу?

— А?! — киваю, — да к ним с нормальной болезнью не попадешь, а тут...

— Точно, — оживляется он, — вот на днях вызываю врача на дом... Да ты сама знаешь! Ладно, — он поднимает рюмку, — давай еще по одной, да я пойду. Засиделся.

— Давай, — выпили, закусили, — Семеныч, а, может, ты? — осеняет меня. — Ты человек взрослый, степенный, да и баб в своей жизни перевидал много. Глянь, а?

— Угу, — сказал он задумчиво... Потом спохватился, — да ты что? Я! Тебя? Никогда...

— Ну что ты как девочка себя ведешь! Ведь для дела. Я помощи прошу, а ты... — я загрустила.

—?! — задумался.

— Ладно... посмотрю... только вряд ли что увижу... — вот на ощупь, — я, пожалуй, смог бы.

— Посмотри! Будь человеком.

— Ладно. Давай. Только быстро. А то вдруг твой придет...

Я тут же стала раздеваться. Но он остановил меня.

— Ты, это, помойся, что ли. Да и мне руки помыть надо, — пробубнил он, — и губу-то не раскатывай, я же не врач!

— Ладно, — и уже из коридора добавила, — тогда я мыться.

После душа, нацепив тоненький ситцевый халатик, я села в кресло. Было маленько неловко вот так перед чужим мужиком раздвинуть ноги. А потом, положив их на подлокотники, смотреть как он, встав на колени, рассматривает моё волосатое сокровище. Но дело есть дело. И он, и я это мужественно преодолели. Семеныч долго там лазил, перебирая и щупая мои прелести, а потом, подняв шалые глаза, сказал:

— Ну, это. Я ничё не вижу. Хотя, конечно, будь я помоложе, то засадил бы тебе, по самое не хочу!

— Мы тут не баловством занимаемся, — буркнула я, разглядывая его здоровый бугор, образовавшийся в штанах.

— Остается только внутри пощупать, — вздохнул он.

— Ну, надо так надо!

— Да рукой-то ничего не определю. Опыта нет, — пожаловался он.

— Тогда щупай, чем можешь, — голос у меня упал. А я подумала: вот скрытая зараза, и не найдешь. А Семеныч то вон, какой сердечный! На все готов, лишь бы помочь.

А Семеныч, тем временем кряхтя, снял штаны и трусы. Его аппарат впечатлял! И если бы я не видела его лицо, то больше сорока точно не дала бы! Клавка точно пролетела, отказавшись от такого.

— Ну что, пробовать? — потупился он.

— Давай, — обреченно прошептала я, — не найдешь, так помассируешь...

Он оголил головку, которая мне показалась с гусиное яйцо. Потом послунывил ее и, приставив к моей дырочке, попытался ее туда засунуть.

— Ох, — не сдержалась я.

— Что-то у тебя тут тесновато, — пожаловался он, с трудом вогнав только половинку своего дырына в меня.

— Осторожней там, окаянный! Порвешь ведь все, — простонала я, — надо чем-то смазать... Ты вон крем на столике возьми.

После недолгих манипуляций с кремом он наконец-то засунул в меня свой медицинский инструмент и стал исследовать изнутри. () Он-то медленно входил на всю глубину, и я

чувствовала, как его головка массирует мою матку, то покидал меня.

— Ну, так ничего не чувствую. Надо в динамике попробовать, — решил он.

— Попробуй, — хотя и не поняла про что он. И тут же почувствовала, как он стал энергично елозить внутри, — довольно приятное обследование, — решила я, крепко держась за подлокотники.

Он обследовал меня минут пятнадцать, я аж сомлела от его энергичности пару раз. Потом он, задыхаясь, спросил:

— А мне куда слить-то? А то я вот-вот.

— Да в меня, не пропадать же добру, — решила я. И тут же почувствовала мощные струи, заполнявшие нутро.

— Однако вроде все нормально, — просипел он, — только тесновато, — и вытащил свой аппарат.

— Да... — я почувствовала облегчение, — надо почаще такие обследования проходить... И хорошо, что у меня ничего не обнаружилось... В тесноте, да не в обиде!